

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

DOI: 10.31696/S086919080038068-1

ЕЩЁ РАЗ О ПРИЧИНАХ ВОЙНЫ РИМА И АРАБСКОЙ ЦАРИЦЫ МАУИИ

© 2026

Д.Н. СЕМЁНОВ ^a

^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0009-0000-8106-3318; danila_semuonov@mail.ru

Резюме: Статья посвящена известному конфликту арабских племён и Римской империи в четвёртом столетии. Источники сообщают, что в конце 370-х гг. арабская царица Мауия атаковала римские гарнизоны вдоль аравийско-палестинской границы и сумела одержать верх. Во время мирных переговоров она якобы потребовала только одного: возвести в сан епископа некоего монаха, особо почитаемого арабами. Выбранный анахорет оказался сторонником никейского символа, а таинство должен был провести архиепископ Александрии, христианин омиийского толка. Несмотря на их разногласия, рукоположение, всё же, состоялось, и война завершилась. В современной историографии с этим эпизодом связано несколько спорных вопросов, в частности, исследователи дают разные оценки причинам столкновения Рима и арабов. Одни делают акцент на конфессиональной подоплёке, изображая Мауию защитницей никейского христианства, которая начала войну ради утверждения ортодоксального епископа. Другие, напротив, подвергают сомнению религиозную причину, предполагая взамен чисто политические мотивы. В настоящей работе предпринята попытка доказать отсутствие религиозной причины конфликта и вместо неё обосновать возможный политический сценарий. Основанием для этого служит молчание наиболее ранних источников в отношении конфессиональных убеждений царицы; непросто доказать даже её христианские взгляды. В то же время, если войну датировать точнее и поместить в общий контекст эпохи, можно провести параллели с теми событиями, которые разворачивались на дунайско-рейнском пограничье. Эта ситуация документирована лучше, и мы знаем, что здесь ухудшение римско-варварских отношений объяснялось новой, более агрессивной политикой тогдашних императоров. Схожие причины могли привести и к войне на Востоке, поэтому мотивация арабов – по аналогии с европейскими племенами – может быть сведена к стремлению установить более выгодные для них условия договора с империей.

Ключевые слова: арабы, Мауия, Валент, Римская империя, христианство

Для цитирования: Семёнов Д.Н. Ещё раз о причинах войны Рима и арабской царицы Мауии. *Восток (Oriens)*. 2026. № 2. С. 49–61. DOI: 10.31696/S086919080038068-1

ONCE AGAIN ON THE CAUSES OF THE WAR BETWEEN ROME
AND THE ARAB QUEEN MAUIA

© 2026

Danila N. SEMENOV ^a

^a – Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
ORCID: 0009-0000-8106-3318; danila_semuonov@mail.ru

Abstract: *This article explores a well-known conflict between Arab tribes and the Roman Empire in the 4th century AD. In the late 370s, the Arab queen Mauia attacked the Palestinian border and managed to defeat Roman garrisons. During negotiations, she demanded ordination of a certain monk especially revered by the Arabs. Despite the fact that he was an adherent of the Nicene Creed and clashed with the bishop of Alexandria, the ordination took place and the war ended. There are several controversial issues associated with this episode, particularly regarding the causes of the conflict. Some researchers focus on confessional differences considering Mauia a protector of Nicene Christianity, others deny religious reasons and instead try to find a political foundation for the clash. This work, based on the analysis of the church authors, attempts to prove the absence of any serious foundation for the religious version and, on the other hand, suggest the political reason. Firstly, the sources do not contain any information on the confessional beliefs of the queen. In addition, it remains unclear whether she was a Christian altogether. Secondly, the war can be dated more precisely and placed in the general context so we can find some parallels with the events that unfolded on the Danube-Rhine border. This situation is documented much better, so we know that the conflict there was explained by a new, more aggressive policy of the emperors. Thus, motivation of the Arabs can be explained by their desire to return to previous, more favorable terms of the treaty with the empire.*

Keywords: Arabs, Mauia, Valens, Roman empire, Christianity

For citation: Semenov D.N. Once Again on the Causes of the War between Rome and the Arab Queen Mauia. *Vostok (Oriens)*. 2026. No. 2. Pp. 49–61. DOI: 10.31696/S086919080038068-1

В конце 370-х годов состоялась война между Римом и арабами, которая стала одной из крупнейших римско-арабских войн в четвёртом столетии. Источники описывают эти события фрагментарно, что оставляет широкий простор для интерпретаций. Исследователи дают разные оценки причинам конфликта: одни подчёркивают важность конфессиональных разногласий, другие делают акцент на политических мотивах. В настоящей статье предпринята попытка ответить на вопрос, какие причины лежали в основе конфликта – религиозные или политические.

Церковные источники сообщают, что Мауия разорвала союзный договор с империей и организовала серию вторжений в её пределы. Успех был на стороне арабов, и вскоре римляне запросили мир. В ответ царица потребовала лишь одного: официально рукоположить некоего подвижника Моисея, которого сарацины почитали и хотели видеть своим епископом. Император приказал выполнить требование, и монаха доставили в Александрию к архиепископу Лукию. Он, в отличие от Моисея, был христианином омиийского толка и активно преследовал никейцев – в это время на востоке империи обострилась внутрицерковная борьба. По этой причине Моисей отказался принимать сан из его рук и потребовал провести таинство только с участием изгнанных клириков-никейцев, пострадавших в ходе гонений. Империя была не в том положении, чтобы возражать, и Лукию пришлось вернуть опальных иерархов. После этого арабы обрели своего первого епископа, и война завершилась.

Из-за специфической просьбы арабской царицы многие современные авторы сделали вывод о её христианских взглядах. Подобную характеристику можно встретить, например, в одной из обзорных статей А.А. Васильева [Vasiliev, 1956, p. 307]. Похожий вывод содержат и работы Н.В. Пигулевской [Пигулевская, 1960, с. 60–61]. В 1980-м году этим событиям посвятил отдельную статью Г. Бауэрсок, который остановился на конфликте уже более подробно. По его мнению, после рукоположения епископа Мауия должна была принять христианство, поэтому для неё назначение Моисея имело важнейшее значение.

Учитывая его никейские взгляды, Бауэрсок заключил, что и сама царица должна была принять никейский символ [Bowersock, 1980, p. 482, 488].

Детальный анализ истоков конфликта впервые предпринял И.А. Шахид [Shahid, 1984, p. 28, 76, 129, 143, 188]. В первой книге своего известного многотомника “Byzantine and the Arabs” он связал полемику Моисея и Лукия с вероятной ортодоксальной позицией царицы, а затем пришёл к выводу, что та противостояла Риму «на чисто доктринальных основаниях». Шахид видел в этой войне доказательство приверженности арабов ортодоксии, стремление защищать её от гонений при императоре Валенте. В предисловии он восторженно называет сарацин «закованным в броню кулаком никейской партии на Востоке». Эта точка зрения стала довольно популярной, в т.ч. оказала влияние на выводы У. Болла [Ball, 2016, p. 106–107]. Тем не менее, с ней соглашались далеко не все авторы¹.

Противоположное мнение через несколько лет после Шахида высказал З. Рубин. Он посвятил статью проблеме обращения Мауии и пришёл к выводу, что гипотеза об исповедании царицей христианства не имеет под собой серьёзных оснований. Также Рубин обратил внимание на причину войны, предположив, что конфликт мог быть вызван стремлением арабов изменить условия договора с империей [Rubin, 1988, p. 31].

В конце девяностых годов Д. Вудс в одной из своих статей также сказал несколько слов о начатой Мауией войне. Он не комментировал позицию Рубин и согласился с тем, что царица была обращённой, но вместе с тем предположил связать недовольство арабов с вероломным убийством римлянами их правителя, мужа царицы. Для подтверждения своих слов Вудс сослался на один похожий случай в римской истории, который тоже привёл к войне [Woods, 1998, p. 330].

В начале 2000-х годов оригинальную версию предложил Н. Ленски. В своей монографии о Валенте II он указал на ряд недостатков предложенного Шахидом сценария, полагая, что «религия была не столько причиной ... сколько элементом урегулирования». Резкое ухудшение отношений Ленски объяснил бесцеремонным требованием императора рекрутировать часть арабской конницы для войны с готами во Фракии [Lenski, 2002, p. 205–209].

Однозначную же критику религиозной подоплёки, помимо Рубин, высказал О. Шмитт, опубликовавший статью через год после Ленски. Шмитт, как и Рубин, назвал причиной войны желание Мауии перезаклучить договор с Римом на более выгодных условиях [Schmitt, 2003, S. 174–176].

Оценки более современных работ неоднозначны и, по сути, соединяют обе точки зрения. В одной из обзорных статей Г. Фишера мы читаем, что «попытка Валента навязать Мауии арианство, по-видимому, стала одной из причин восстания» и, несмотря на возможное преувеличение религиозных аспектов, «детали подчеркивают важность общего религиозного мировоззрения для создания доверительных уз» [Fisher, 2017, p. 177–178]. В то же время британский востоковед Д. Макдональд, ссылаясь на Ленски, склонен считать конфликт «в значительной мере политическим вопросом». При этом здесь же он замечает, что Мауия могла действовать из религиозных соображений, поскольку арианство «по-видимому, было для неё неприемлемым» [Macdonald, 2015, p. 79, 81].

Выводы исследователей опираются, в первую очередь, на сочинения трёх историков церкви – продолжателей дела Евсевия Кесарийского. Первым из них события опи-

¹ В работах Шахида нетрудно заметить особый акцент на религиозных вопросах, в частности, стремление доказать тесную связь арабских племён и христианства. В первую очередь это касается истории гассанидской семьи Джафнидов в VI ст. – одной из наиболее известных и могущественных арабских династий поздней античности. История Джафнидов стала предметом широкой дискуссии в конце 2000-х гг., когда Шахид заканчивал подготовку к публикации своего последнего тома. В результате длительного обсуждения целым коллективом исследователей по ряду вопросов был предложена иная точка зрения [Les Jafnides, 2015]. Ещё раньше определённые возражения высказал британский археолог М. Уиттоу [Whittow, 1999].

сал Руфин Аквилейский (*Ruf.* HE. II. 6), который составил две дополнительные книги к «Церковной истории» Евсевия в самом начале V в. Вслед за ним на рубеже 430-х – 40-х гг. свою «Церковную историю» написал Сократ Схоластик (*Socr.* HE. V. 4). Вскоре после Сократа работу завершил Эрмий Созомен (*Sozom.* HE. VI. 38). Следующий историк церкви, Феодорит Кирский, оставил уже сравнительно небольшой отрывок, который представляет сжатое изложение предыдущих (*Theod.* HE. IV. 23)². С Мауией также связывают небольшой отрывок из анонимного трактата *Expositio totius mundi et gentium* (*Expositio.* IV. 75–83)³, однако этот текст был создан задолго до правления царицы.

Более позднюю традицию представляет Феодор Анагност («Лектор»), который в первых десятилетиях VI в. составил очередную «Церковную историю»⁴ и к уже известному сюжету добавил одну интересную деталь об арабской царице. Эту же версию воспроизвели средневековые хронисты: Феофан Исповедник, автор обширной «Хронографии», завершённой в первой половине 810-х гг. (*Theoph. Chron.* 5869), Георгий Амартол, написавший свою «Хронику» спустя несколько десятилетий (*Georg.* XI. 47. 4), и Михаил Сириец, автор аналогичного произведения, составленного в конце XII в. (*Mich. Syr. Chron.* VII. 7).

При работе со всеми этими источниками возникает ряд проблем. Во-первых, необходимо согласовать данные двух традиций. Появление оригинальных подробностей в наиболее поздних, средневековых трудах восходит, по-видимому, к сочинению Феодора. Текст его «Церковной истории» охватывает весьма обширный период от Константина до Юстина I (ок. 313–518 гг.) и традиционно делится на две части. Первая, интересующая нас, доведена до середины V в. и также является компендиумом, т. к. почти целиком состоит из фрагментов предшественников – церковных авторов, упомянутых в начале⁵. Более того, в отрывке о Мауии присутствует прямая ссылка на Созомена. Соответственно, возникает вопрос, у кого Феодор скопировал оригинальную информацию о царице, если ни у самого Созомена, ни у его коллег ничего подобного нет? Мы вернёмся к этому позднее, пока лишь заметим, что большинство исследователей небезосновательно относятся к поздней традиции весьма осторожно, более доверяя ранним авторам.

Существует, однако, ещё более критический подход к источникам, который представил Ф. Майерсон. Назвав свою статью «A Cautionary Note», он подверг сомнению сведения не только поздней, но и ранней традиции, заключив, что лишь первый из авторов, Руфин, может считаться более-менее достоверным – хотя и к нему следует относиться скептически. Главным образом потому, что тот, во-первых, писал «опираясь на свои травматические воспоминания» о гонениях при Валенте, а, во-вторых, составил не столько историческое произведение, сколько «мощное антиарианское заявление». Отталкиваясь от этих заключений, Майерсон подверг сомнению историчность Мауии и задался вопросом, была ли война

² Руфин составил обе книги к 402–403 гг. [Кулькова, 2009, с. 90]; Сократ писал где-то между 438 и 443 гг., Созомен закончил свой труд приблизительно между 443 и 447 гг. [Chesnut, 1986, p. 167, 193].

³ Ссылка приведена в соответствии с изданием 1964 г. [Woodman, 1964, p. 5]; в издании 1966 г. фрагмент о сарацинах выделен в параграф XX [Expositio, 1966, p. 154].

⁴ Сюжет Феодора обнаружил ещё Бауэрсок [Bowersock, 1980, p. 482]. В настоящей статье этот фрагмент автора цитируется по изданию Г. Хансена, опубликовавшему подборку оригинальных пассажей Феодора в компилятивной первой части [Hansen, 1971, p. 69].

⁵ В предисловии к изданию XVII в. Лев Аллаций подчёркивает компилятивный характер первой части Феодорита, считая её «скорее фрагментами, чем упорядоченным изложением событий». Далее он замечает, что, прочтя эту работу, читатель как бы ознакомится сразу с трудами нескольких предшествующих историков [цит. по: PG, 86a, p. 158–160]. Видимо, такими соображениями руководствовались средневековые хронисты, в результате вычитавшие у Феодора новые подробности. Г. Хансен заключает, что полная публикация текста вряд ли потребуется, поскольку текст источника включает чуть больше половины сочинений Созомена и где-то три четверти Сократа и Феодорита [Hansen, 1971, p. XI–XIII]. Более оригинальной является вторая часть, посвящённая событиям, уже более знакомым самому Феодору.

на самом деле такой, какой её описали Руфин и остальные [Mayerson, 1980, 126–127; 131]. Рассмотрим раннюю традицию подробнее.

Руфин Аквилейский был современником событий и описал историю с Мауией первым. Выходец из Северной Италии, он принял крещение и отправился на Восток, немало времени проведя среди местных монахов и богословов. На момент войны Руфин находился в египетской Александрии, где происходили события⁶. Этим, видимо, следует объяснить наличие в его тексте подробного диалога между монахом Моисеем и александрийским архиепископом Лукием. Руфин мог стать непосредственным очевидцем их напряжённой беседы или, во всяком случае, узнать о подробностях от местного духовенства.

В отличие от него, Сократ жил позже и был жителем столицы: он родился и провёл всю жизнь в Константинополе, где занимался юриспруденцией. Тем не менее в его труде содержится информация, которая отсутствует у предшественника и представляет немалую ценность для современной реконструкции событий. Видимо, в столице Сократ имел доступ к таким источникам, которыми не располагал Руфин.

Созомен, современник Сократа, примерно в это же время жил в Константинополе и тоже был юристом. Из всех троих он больше всего связан с Востоком, т.к. родился неподалёку от Газы и учился в Берите – примерно там, где в 70-е гг. разворачивался конфликт. Ему были хорошо знакомы местные реалии и богатая устная традиция, в том числе арабская⁷. Неудивительно, что история восточных провинций раскрывается в его труде больше всего.

Все три автора сообщают приблизительно один и тот же сюжет, т.к. основой мог действительно послужить самый первый текст Руфина. Известно, например, что на его сочинение опирался Сократ⁸, материал уже Сократа, по всей видимости, имел перед собой Созомен. Тем не менее, нет никаких причин выделять этот самый ранний сохранившийся фрагмент о Мауии как наиболее авторитетный. Напротив, информация каждого историка имеет свою значимость. Руфина как современника и, вероятно, очевидца. Сократа, при всей его географической и хронологической удалённости, как передатчика неизвестных Руфину источников. А Созомена – как местного жителя, выросшего на Востоке и знакомого с устной традицией. Также необходимо заметить, что каждый последующий автор дополняет предшественника и далеко не всегда противоречит ему.

В этом отношении интерес представляет ещё один историк церкви – Геласий, епископ Кесарии Палестинской, который закончил свой труд в самом конце IV в. Почти весь его текст, включая предполагаемое описание римско-арабской войны, был утрачен и на сегодняшний день доступен только в небольших отрывках. Тем не менее их тщательный анализ показывает, что на Геласия ориентировался Руфин, приступивший к работе как раз вскоре после него⁹. Бауэрсоку, например, это дало ещё один повод отказаться от изображения Руфина нашим главным информатором о Мауии, ведь и Сократ, и Созомен также могли обращаться к общему для них тексту [Bowersock, 1980, p. 480–481]. По крайней мере от-

⁶ По словам Руфина, он описывает то, что видел, присутствуя в Александрии (*Ruf.* HE. II. 4). Как отмечает Н.А. Кулькова, опять же цитируя слова самого Руфина в одном из писем, тогда он провёл в Египте шесть лет, предположительно до 379 г., после чего на некоторое время перебрался в Иерусалим [Кулькова, 2009, с. 87].

⁷ Созомен пишет, что битвы с римлянами сарацины воспевают в песнях (ἐν ᾠδαῖς). Видимо, здесь отражены архаичные формы племенного эпоса. Однако наиболее ранние сохранившиеся произведения арабской поэзии относятся в лучшем случае к рубежу V–VI столетий [*Аравийская старина*, 1983, с. 3; Фролова, 2012, с. 5], а их авторы уже не помнят сюжет с Мауией.

⁸ Сократ несколько раз пишет, что ему знакомо сочинение «пресвитера Руфина» и впоследствии подтверждает эти слова (*Socr.* HE. I. 12; 15; 19 и др.).

⁹ Основные выводы по результатам такого сопоставления см.: [Glas, 1914, S. 45; Martin, 2018, p. 516–517; Petrič, 2023, p. 86].

части таким путём можно объяснить появление новых данных у Сократа. Созомен же, как представляется, мог использовать свои оригинальные источники информации.

Поэтому, даже если вслед за Майерсоном предположить, что Руфин изложил события под сильным впечатлением от гонений, повлиявших на его точку зрения, он не стал единственным информатором для последующих авторов. Сократ и Созомен опирались и на другие источники, в т.ч., возможно, читали утраченный труд Геласия. Таким образом, следует признать, что у нас нет достаточных оснований сомневаться в сведениях ранних церковных историков¹⁰.

Более того, если мы предполагаем конфессиональную причину конфликта, справедливо обнаружить её описание именно у них, ведь для упомянутых авторов главной задачей было написание истории христианской церкви, в лучшем случае – христианской империи. Чисто политическая сфера интересовала их во вторую очередь. Тем не менее ничего похожего на религиозную подоплёку мы не встречаем.

Во-первых, никто из авторов не упоминает об особых симпатиях арабов к ортодоксии и не пишет, что Моисей был выдвинут только благодаря его никейским взглядам. Точно так же нет никакой информации о попытках навязать омийскую веру с римской стороны. Любопытно и то, что сам Моисей, оказавшись в Александрии, никак не пытается маркировать свою связь с арабами и предстаёт как будто бы самостоятельной фигурой. Он даёт отпор архиепископу Лукию, отказываясь принять сан из рук инициатора гонений, но этот спор происходит без участия арабской стороны. Можно было бы предположить, что Моисей пострадал во время преследований, отчего арабы возмутились, но и этой информации у нас нет.

Во-вторых, сложно сказать, была ли вообще христианкой сама Мауия к началу конфликта. Ранние авторы описывают её только как царицу сарацин (*regina*, *φύλαρχος*, *βασιλίσσα*)¹¹, супругу умершего правителя, но умалчивают о религиозной принадлежности правительницы. Иную версию предлагает позднейшая традиция в лице Феодора (а за ним и средневековых хронистов). Так, Феодор сообщает, что Мауия «была христианкой, римлянкой по рождению» (*ἡ Μαυία Χριστιανὴ ἦν, Ῥωμαία ἐκ γένους*). По его версии, девушка была взята в плен, покорила красотой правителя сарацин, а после его смерти возглавила племена.

Как уже было сказано, первая часть работы Феодора является компиляцией. В нашем случае рассказ опирается на Созомена, о чём сам Феодор и говорит. Однако ни один из ранних авторов про римлянку и христианку ничего не знает – что кажется довольно странным, если принять во внимание биографию Созомена, хорошо знакомого с Востоком, или, например, возможности Сократа, имевшего доступ к столичным архивам. Можно, конечно, предположить, что Феодор каким-то образом узнал такие подробности, которые остались

¹⁰ При всём своём скептицизме Майерсон вполне справедливо подверг сомнению некоторые попытки вписать конкретный эпизод в контекст общеарабской истории. Так, например, некую женщину по имени Мауия (*Μαουία*), имя которой встречается в одной посвятельной надписи 425 г., записывали в наследницы царицы и называли Мауией II. Вместе с тем, поскольку неизвестно имя супруга, в мужа первой Мауии определяли гассанидского правителя аль-Хариса, известного по царским спискам Джафнидов [Mouterde & Poidebard, 1945, p. 194–195]. К замечаниям Майерсона также можно добавить и то, что Мауию называли наследницей царя Имру аль-Кайса (ум. ок. 339/340 г.). Ставя последнего во главе племенного союза танухидов, царицу, соответственно, также считали главой этого объединения [Bowersock, 1980, p. 484–485]. Последняя точка зрения была поддержана Шахидом, а впоследствии Боллом [Shahid, 1984, p. 141–142; Ball, 2016, p. 105–106]. Кроме того, в большинстве работ (за исключением, пожалуй, статьи Шмитта) римско-арабскую войну называют «восстанием», хотя мы не знаем, какими территориями управляла царица, и были ли они полноценной частью империи, как впоследствии, например, царство Гассанидов.

¹¹ *Mauvia Sarracenorum gentis Regina* у Руфина, *Σαρακηνοὶ ... στρατηγοῦμενοι ὑπὸ Μαυίας γυναῖκός* у Сократа, *Μαυία Σαρακηνῶν βασιλίσσα* у Феодора. Созомен добавляет, что она была филархом (*περὶ Μαυίας τῆς τῶν Σαρακηνῶν φυλάρχου*), т.е. племенным лидером.

вне поля зрения его предшественников. С другой стороны, эти подробности вполне могут быть результатом позднейших домыслов, которыми так часто обрастают исторические события. В любом случае, сама по себе христианская принадлежность Мауии совершенно не означает, что она была из никейцев и начала войну исключительно из-за конфессиональных разногласий. Мотивацию царицы никто из авторов – ни ранних, ни поздних – не уточняет.

В-третьих, из сочинений церковных авторов можно сделать вывод о поверхностной христианизации арабов, причём даже после рукоположения Моисея. Первый автор, Руфин, сообщает лишь то, что царица требовала епископа для «своего народа» (*gentis suae*). Это может свидетельствовать как минимум о заинтересованности в новой вере и наличии некоторого числа христиан. Сократ уже более конкретен: в его труде говорится, что сарацины тогда присоединились к вере христовой, причём из контекста ясно, что произошло это уже *после* утверждения Моисея епископом. Наконец, Созомен рисует ещё более ясную картину. В его главе мы читаем, что благодаря Моисею число обращённых сарацин стало большим (πολλοὺς), а прежде оно было невелико (ὀλίγος).

Итак, в сочинениях церковных историков, которые не могли не уделить внимания конфессиональной вражде, следы таковой отсутствуют вообще. С оглядкой на Феодора можно осторожно предположить, что сама Мауия могла быть обращённой к началу конфликта, но вот придерживалась ли она именно никейского символа (и если да, то готова ли была его защищать), мы не знаем. Кроме того, арабские племена до войны ещё не были тесно связаны с христианством – ни с никейским, ни с каким-либо другим. В таком случае причины конфликта, а также требование епископа и выбор непосредственно Моисея можно попытаться объяснить другими обстоятельствами – политического характера. Это требует обращения к более широкому событийному контексту. Рассмотрим прежде всего вопрос датировки и определим место этой римско-арабской войны в истории 70-х годов IV столетия.

В историографии выдвигали самые разные варианты. Васильев предположил, что война началась после 376 года, Пигулевская разделяла эту точку зрения. Некоторые зарубежные исследователи до Шахида, включая Руже, помещали события в диапазоне от 370 до 374 гг. Сам Шахид, критикуя эти предположения, отодвигал их на несколько лет вперёд, до 375–378 гг. Бауэрсок и Шмитт датировали конфликт весной 378 г., Рубин помещала его в промежуток с весны по август 378 г. Ленски и Вудс полагали, что столкновения произошли зимой с 377 на 378 гг. и закончились ещё до отъезда Валента весной, а Макдональд заключил, что война могла начаться весной 377 г. и, вероятно, продолжалась до начала 378 года [Vasiliev, 1956, p. 307; Пигулевская, 1960, с. 60; *Expositio*, 1966, p. 25; Bowersock, 1980, p. 487; Shahid, 1984, p. 183–184; Rubin, 1988, p. 28; Woods, 1997, p. 268; 1998, p. 328; Lenski, 2002, p. 208–209; Schmitt, 2003, S. 170–171; Macdonald, 2015, p. 81.].

Такой разброс объясняется неопределёнными сведениями источников. Наименее надёжные из них предлагают слишком ранние даты: трактат *Expositio* был написан, в крайнем случае, в самом начале 360-х гг., а Феофан помещает отрывок о Мауии под 5869-м годом александрийской эры, т.е. датирует его 368/9-м годом от Р.Х. Датировка Феофана, по всей видимости, является результатом распространённой ошибки автора при составлении хроники. *Expositio* же написан слишком рано, да и содержание самого отрывка, как представляется, не имеет отношения к Мауии¹². Кроме того, в обоих случаях датировка не подтверждается другими авторами и не вписывается в общий контекст событий.

¹² В анонимном трактате *Expositio totius mundi et gentium* нас интересует лишь упоминание о том, что арабами управляют женщины: *at mulieres aiunt in eos regare* [*Expositio*. IV. 76–77]. Жан Руже в наиболее известном издании текста предложил связать его с Мауией [*Expositio*, 1966, p. 25]. Однако время создания трактата слишком раннее: в качестве верхней границы некоторые исследователи называют окончание правления Констанция II, т.е. 361 г. [*Expositio*, 1966, p. 9–10]; в более раннем издании указан 362 г. [Woodman, 1964, p. 56]. Даже если вслед

Большую ясность вносят сведения историков церкви. Руфин переходит к Мауии сразу после рассказа об избрании архиепископа Лукия и учинённых им гонений – по мнению первого автора, война произошла вслед за этими событиями, т.е. в последующие после 373-го годы¹³. Сократ предлагает более точную последовательность: сарацины разорвали союз с Римом, когда император отбыл из Антиохии (ἀναχωρήσαντος δὲ τῆς Ἀντιοχείας τοῦ βασιλέως). Созомен также более конкретен: по его данным, война началась «в это самое время», т.е. в разгар готского восстания во Фракии¹⁴. Датировку Руфина можно опустить, т.к. он сообщает слишком широкий диапазон. Сократ и Созомен более точны, но их датировка относительная. Поэтому для уточнения обратимся к другим источникам.

Как сообщает современник и крупнейший историк тех лет Аммиан Марцеллин, в 377 г. племена готов, недавно перешедшие Дунай, подняли мятеж и создали серьёзную угрозу империи на Балканах. На тот момент август Востока Валент II находился в сирийской Антиохии. За предыдущие годы ему кое-как удалось договориться с варварами на Дунае, и теперь он полностью сосредоточился на восточном направлении, собирая войска и готовясь к новой схватке с Ираном. Тем не менее неожиданные обстоятельства внесли свои коррективы.

Император узнал о случившемся, когда дело шло уже к осени, и стремительно изменил планы (*Amm.* XXXI. 7. 1). В первую очередь он выслал магистра конницы Виктора к персам, чтобы на любых условиях заключить мир. Во Фракию же были направлены другие военачальники со своими отрядами.

Тем временем готы успешно теснили балканские части. Сокрушив основные силы в регионе, они рассыпались по Фракии, совершая грабежи. По словам Аммиана, ситуация ухудшилась, когда осень склонялась к зиме (*Amm.* XXXI. 10. 1). Тогда же император, наконец, оставил Антиохию и после долгой дороги прибыл в Константинополь (*Amm.* XXXI. 11. 1); причём Сократ уточняет, что столицы он достиг в мае (*Socr.* HE. IV. 38). Значит, решив осенью все вопросы, Валент покинул свою восточную ставку к началу зимы 377 года. Если верить сообщениям Сократа и Созомена (которые не противоречат более пространным данным Руфина), как раз в это время арабы Мауии начали своё вторжение.

Таким образом, начало войны можно датировать зимой 377–378 годов. Длительность конфликта определить трудно, но, по всей видимости, он должен был завершиться в ближайшие месяцы, т.е. к весне или весной 378 года¹⁵. Столкновение окончилось не в пользу империи: её войска не сумели сдержать арабские вторжения, от которых пострадали южные провинции диоцеза Восток¹⁶.

за Руже датировать войну 370 г. – вопреки данным церковных авторов – время создания *Expositio* слишком отстаёт от этих событий.

¹³ Руфин начинает главу о Мауии с оборота «в то же время» (*per idem tempus*), ссылаясь на содержание предыдущего раздела. В нём автор сообщает о выдвижении епископа Лукия после смерти Афанасия Александрийского в 373 г. [Павловская, 2001, с. 87]. Далее автор описывает гонения в Египте и Эдессе, после чего, не сообщая никаких дат, сразу переходит к событиям с Мауией.

¹⁴ Начиная 38-ю главу словами «в то же самое время» ὑπὸ δὲ τὸν αὐτὸν τοῦτον χρόνον, Созомен имел в виду события предыдущей главы, т.е. начало готской войны (*Sozom.* VI. 37).

¹⁵ Выяснение отношений с империей должно было закончиться не позднее начала августа 378 г., когда в сражении с готами погиб сам Валент. Конфликт определённо разрешился при его жизни: например, Руфин замечает, что просьба Мауии была донесена римскому императору (*petitio ejus Principi indicata Romano*), под которым явно подразумевается Валент II.

¹⁶ Руфин пишет, что война была «яростной», «неистовой» (*vehement*): в «частых» (*frequentibus*) сражениях сарацины истощили римское войско, так что многие воины были убиты или обращены в бегство. Также арабы «потрясали» приграничные крепости и города (*limitis oppida atque urbes quatere*) на «палестинской и аравийской границе», опустошали соседние провинции. Сократ замечает только то, что сарацинами на Востоке всё «разорялось» (ἐπορθεῖτο), Созомен также упоминает о разорениях и подчёркивает, что для римской стороны война ста-

Безусловно, зима 377–378 гг. оказалась крайне удачным моментом, чтобы нанести удар: римская армия во главе с императором ушла с Востока и была целиком поглощена готской проблемой. Арабы оказались один на один с местными войсками и, как показала череда столкновений, уверенно одерживали над ними верх. Всё выглядело так, как будто бы они воспользовались удобным случаем¹⁷.

По крайней мере мы знаем, что именно так в то же самое время действовали лентииензы – одно из племён германского объединения аламаннов. Они нарушили заключённый с империей договор и вторглись в провинцию Норик у истока Дуная. Вслед за лентииензами, которых удалось остановить, последовали другие племена, и небольшой набег превратился в крупное вторжение. Аммиан прямо заявляет, что варвары прознали об отправке армии на Балканы (август Запада, Грациан, также поспешил во Фракию) и решили воспользоваться случаем (*Амм.* XXXI. 10. 2–5). Однако для западной части империи эта проблема была по силам. Обеспокоенный Грациан немедленно развернул войска и направил их против германцев. Для Валента на востоке ситуация сложилась более сложная: ему пришлось выбирать главный фронт, а остальные пытаться ликвидировать дипломатически. Именно поэтому магистр конницы Виктор срочно направился к персам, а требование арабской царицы было удовлетворено, несмотря на упрямство Моисея.

То есть непосредственной предпосылкой для наступления Мауии стало ослабление римского военного присутствия на Востоке. Арабы, как и племена на Дунае, просто удачно использовали обстоятельства и совершили череду набегов. По аналогии с дунайскими племенами можно попробовать реконструировать причину подобных действий арабской царицы.

Ко второй половине 360-х гг. при тогдашнем императоре Запада Валентиниане I была ужесточена политика в отношении аламаннов. В частности, им были сокращены положенные по соглашению выплаты. Это охладило отношения и вскоре привело к войне (*Амм.* XXVI. 5. 7). Примерно в то же время на Балканах своё наступление развернул восточный император Валент II, который инициировал длительную кампанию против готов-тервингов. Причём Аммиан замечает, что он действовал по указанию западного августа, т.е. следовал некоему общему плану (*Амм.* XXVII. 4. 1)¹⁸. В результате этой многолетней борьбы оба брата добились пересмотра соглашений с варварами, что привело к росту напряжённости по всей дунайской границе.

Вероятно, в это время умирает правитель арабов, супруг Мауии¹⁹, и она, видимо, как регент принимает власть. Как и полагается в таких случаях, Валент должен был перезаключить договор, однако теперь, по всей видимости, на иных условиях – таких, которые уже были предложены всем прочим варварским племенам. Безусловно, решительности Валенту добавляло наличие в Сирии крупного военного контингента – шла подготовка к новой войне с Ираном. Логично предположить, что решив дела в Подунавье силой и оглядываясь на действия брата, он планировал реализовать на восточной границе точно такой же сценарий.

новилась «обременительной» (ἐπιβαροῦντος δὲ τοῦ πολέμου). В первую очередь войной были затронуты провинции Palaestina Tertia и Arabia, с ними пострадали соседние Phoenice Libanensis на севере и Augustamnica на западе. Соответственно, племена под началом Мауии располагались где-то в южной части Леванта.

¹⁷ О чисто военной стороне конфликта см.: [Lewin, 2007, p. 243–262].

¹⁸ В упомянутой монографии Ленски убедительно доказывает, что кампания Валента на Дунае была вызвана не столько «стратегической необходимостью», сколько желанием «укрепить свою позицию как императора» [Lenski, 2002, p. 127]. По мнению Х. Вольфрама, эта война положила конец римской Готии, созданной Константином [Вольфрам, 2003, с. 104].

¹⁹ О смерти арабского царя, супруга Мауии, пишет только Созомен, не сообщая, однако, никаких дат.

Этим и может быть объяснено недовольство арабов. Поэтому, как и многие племенные вожди на Дунае, Мауия выжидала удобного момента для военного реванша. Реванша с целью перезаключения договора на более выгодных условиях. Благодаря готскому восстанию во Фракии, такой случай неожиданно представился. В ходе успешной войны зимой-весной 377–378 гг. эти цели были достигнуты. Если царица и не добилась полного возврата к прежним условиям, то смогла получить необходимые уступки и навязать империи новое соглашение.

По крайней мере, уже через несколько месяцев некий отряд сарацин появился под стенами Константинополя и вступил в бой с осаждавшими его готами. И если Аммиан фиксирует сам факт, то Сократ и Созомен пишут, что этот отряд был послан Мауией (*Amm.* XXXI. 16. 5; *Socr.* HE. V. 1; *Sozom.* HE. VII. 1)²⁰.

Конфликты Рима с варварами из-за отмены или пересмотра союзного договора – явление частое. На Востоке нечто подобное произошло, например, в июне 363 г., когда август Юлиан отказался платить наёмникам-сарацинам²¹.

При таких условиях требование рукоположить Моисея могло означать лишь то, что новый договор предусматривал более тесную связь между сторонами. Стремление укрепить дипломатические контакты также подтверждают слова Созомена о браке между дочерью

²⁰ Речь идёт о событиях после поражения Валента при Адрианополе 9 августа 378 г. Воспользовавшись гибелью императора и расстройством римских войск, готские отряды двинулись на восточную столицу и достигли её, судя по тексту Аммиана, где-то в конце месяца. Эта угроза была устранена благодаря в том числе помощи отряда сарацин, посланного Мауией. Причём Сократ и Созомен подчёркивают, что его численность была небольшой и основную роль в обороне города сыграло наспех вооружённое ополчение. Аммиан сообщает лишь то, что против готов из Константинополя выступил некий «сарацинский отряд ... недавно туда вызванный» (*Saracenorum cuneus ... recens illuc accersitus*). Далее историк описывает эпизод с арабским воином, который принялся пить кровь поверженного противника, чем насмерть перепугал оставшихся германцев и принудил их к отступлению. Видимо, эта занятая история – результат неверной интерпретации самого автора, который, к тому же, не упускал возможности подчеркнуть дикость варварских народов.

Реконструкция арабского участия в обороне Константинополя осложняется сообщением более позднего автора, Зосима. Данные трёх своих предшественников он не подтверждает, а вместо этого пишет, как ещё до всех потрясений Валент привёл с собой в Константинополь какую-то сарацинскую кавалерию и выставил её против готов сразу по прибытии (*Zos.* IV. 22). Поскольку император приехал в мае (о чём пишет Сократ), со слов Зосима выходит, что арабы сражались под столицей в конце весны, а не во время осады Константинополя три месяца спустя.

Быть может, Зосим просто допустил ошибку в датировке. Во-первых, известно, что труд историка во многом является компиляцией фрагментов предшествующих сочинений (главным образом, Эвнания и Олимпиодора), которые не всегда согласовывались между собой – оттого конечный текст содержит ряд неточностей. Соответственно, эпизод с арабами был помещён на три месяца раньше, чем у остальных информаторов. Сократу и Созомену следует доверять больше, т.к. первый из них имел доступ к столичным архивам, оттого и привёл точную дату прибытия Валента. Во-вторых, настораживает полное отсутствие сарацин в самом сражении под Адрианополем. Если Валент располагал арабским отрядом ещё до битвы, почему же он не задействовал его в самый ответственный момент? В-третьих, против данных Зосима можно также интерпретировать слова Аммиана о *недавно вызванном* отряде (а не *пришедшем* с императором ещё весной). Правда, это «недавно» может подразумевать и трёхмесячный промежуток.

В то же время Зосим нигде не упоминает Мауию, поэтому он и другие авторы могли писать о двух разных отрядах, как предположил Шахид [Shahid, 1984, p. 179]. Один Валент привёл с собой, завербовав каких-то сарацин на восточной границе, а второй позднее выслала царица, когда она, наконец, заключила мир с империей. Вудс предложил ещё один вариант [Woods, 1997, p. 275–276], согласно которому сарацины прибыли вместе с Валентом в мае как *sholarii*, члены императорской охраны. С готами в это время они не сталкивались, сведения Зосима Вудс ставит под сомнение. Далее, после отбытия основных войск под Адрианополь, схова сарацин была придана императорской супруге Домнике и вышла на защиту города только раз, после сражения. Вудс полагает, что все источники повествуют об одном и том же отряде – отряде Мауии.

²¹ В конце марта 363 г., двигаясь вдоль Евфрата, Юлиан в районе Каллиника принял сарацинских царьков, *Saracenarum reguli* (*Amm.* XXIII. 3. 8), после чего включил в свою армию их вспомогательные отряды, *Saracenorum auxilii* (*Amm.* XXIII. 5. 1). На обратном пути он распорядился прекратить выплаты, что привело к конфликту (*Amm.* XXV. 6. 10).

Мауии и римским военачальником Виктором. Кроме того, наличие официального епископа и личная связь с римским командованием увеличивали статус правящей арабской семьи. Эта часть требований Мауии, зафиксированная церковными авторами, отражает растущую интеграцию бедуинов в оседлое пространство восточных провинций. Выбор же именно Моисея можно объяснить привязанностью арабов к конкретному подвижнику и/или этнической близостью²².

В таком свете предположение Рубин и Шмитта о стремлении перезаключить договор как о главном мотиве войны выглядит уже более обоснованным. Любопытна также точка зрения Вудса, который предположил, что причиной недовольства арабов могли стать провокативные действия римской стороны, а именно – убийство арабского царя, мужа Мауии. Доводом в пользу такой реконструкции Вудс посчитал описанное Аммианом убийство римлянами царя квадов Габиния в 374 г., что впоследствии также привело к войне (*Амм.* XXIX. 6. 5–6), а также убийство на пиру армянского царя Папа в том же году (*Амм.* XXX. 1. 1–4). Стремление любыми путями устранить неудобных правителей вообще было присуще имперской администрации. Только Аммиан за описанные им двадцать пять лет римской истории называет как минимум пять попыток (включая две приведённые выше) вероломного устранения потенциальных соперников²³. В арабской истории нечто подобное произошло в начале 580-х гг., когда император Тиберий II попытался дважды арестовать царя Гассанидов и во второй раз сослал его на Сицилию²⁴. Предположение Ленски, объяснявшего недовольство арабов бесцеремонным рекрутским набором, также представляется реальным, но обосновать его достаточно трудно.

Таким образом, мы можем констатировать, что не располагаем достаточными основаниями для выделения конфессиональных причин и существования какой-либо религиозной подоплёки вообще – в этот момент своей истории арабы не были столь тесно связаны с христианством, а тезис о никейских взглядах Мауии совершенно не подкреплён источниками. Единственно верной является именно политическая основа конфликта, причём из всех предложенных версий наиболее вероятной кажется та, что касается стремления арабов достичь новых условий договора с империей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Аравийская старина: из древней арабской поэзии и прозы. Под ред. Б.Я. Шидфар, пер. с араб. А. А. Долинной и В.В. Полосина. М.: Наука, 1983 [*Arabian Antiquity: Ancient Arabic Poetry and Prose.* B. Shidfar (ed.), A.A. Dolinnaya, V.V. Polosin (tr.) Moscow: Nauka, 1983 (in Russian)].

Вольфрам Х. *Готы*. Пер. с нем. Б.П. Миловидов, М.Ю. Некрасов. СПб.: Ювента, 2003 [*Wolfram H. Die Goten. Von den Anfängen bis zur Mitte des sechsten Jahrhunderts.* B.P. Milovidov, M.Y. Nekrasov (tr.) Saint Petersburg: Yuventa, 2003 (Russian translation)].

²² Обращение арабов часто происходило благодаря деятельности отдельных подвижников. Источники неоднократно связывают распространение веры с чудесами анахоретов, в частности, их умением исцелять больных. Быть может, Моисей заслужил внимание арабов как раз по этой причине. В нашем случае важно и то, что Моисей «по роду был сарацин» (Σαρακηνὸς τὸ γένος), как об этом написал Сократ.

²³ Три остальные касаются царей аламаннов Вадомирия (*Амм.* XXI. 4. 1–6) и Макриана (*Амм.* XXIX. 4. 2–6), а также царей тервингов Фритигерна и Алавива (*Амм.* XXXI. 5. 5). В этой связи можно вспомнить фрагмент Олимпиодора, повествующего о возмущении гуннов по поводу убийства некоего Доната (*Олимп.* 18), а также действия Каракаллы в отношении эдесского и армянского царей, которых император пригласил для переговоров и арестовал по прибытии (*Dio. Cass.* LXXVIII. 12).

²⁴ Арест и ссылка гассанидского царя аль-Мунзира ибн аль-Хариса описаны в сирийской литературе: «Хронике» Михаила Сирийца (*Mich. Syr. Chron.* X. 17; 19) и «Церковной истории» Иоанна Эфесского (*John. Eph. HE.* III. 40–43).

Кулькова Н.А. Руфин Аквилейский и его время. *Вестник ПСТГУ. Серия 3. Филология*. 2009. Вып. 4(18). С. 76–93 [Kulkova N.A. Rufin of Aquileia and his Epoch. *St. Tikhon's University Review. Series III: Philology*. 2009. Issue 4(18). Pp. 76–93 (in Russian)].

Павловская А.И. Афанасий, архиепископ Александрийский, и его епархия. *Вестник древней истории*. 2001. № 1. С. 60–87 [Pavlovskaya A.I. Athanasius, Archbishop of Alexandria, and His Diocese. *Vestnik drevney istorii (=Bulletin of Ancient History)*. 2001. No. 1. Pp. 60–87 (in Russian)].

Пигулевская Н.В. Арабы у границ Византии в IV в. *Палестинский сборник*. Вып 5(68). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 45–65 [Pigulevskaya N.V. Arabs on the Borders of Byzantium in the 4th Century. *Orthodox Palestinian Collection*. Issue 5(68). Moscow–Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1960. Pp. 45–65 (in Russian)].

Фролова О.Б. *Поэтическая лексика арабской лирики: арабские поэты и народная поэзия*. 2-е изд. СПб.: Алетея, 2012 [Frolova O.B. *Poetic vocabulary of Arabic lyrics: Arabic poets and folk poetry*. 2nd ed. Saint Petersburg: Aletea, 2012 (in Russian)].

Ammianus Marcellinus. *Res Gestae*. In 3 vols. Loeb Classical Library. J.C. Rolfe (tr.) T.E. Page, E. Capps, W.H.D. Rouse (eds.) London, 1935.

Ball W. *Rome in the East: The Transformation of an Empire*. London & New York: Routledge, 2016.

Bowersock G.W. Mavia, Queen of the Saracens. *Studien zur antiken Sozialgeschichte*. Köln, 1980. S. 477–495.

Chesnut G.F. *The First Christian Histories: Eusebius, Socrates, Sozomen, Theodoret, and Evagrius*. 2nd ed. Macon: Mercer University Press, 1986.

Dio's Roman History. Vol. IX. E. Cary (tr.) Loeb Classical Library. London, 1955.

Ex Historia Olympiodori excerpta. Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae. Vol. 19. I. Bekkeri, B.G. Niebuhr (eds.) Bonnae, 1829.

Expositio totius mundi et gentium. Introduction, texte critique, traduction, notes et commentaire par J. Rougé. Paris 1966.

Fisher G. From Mavia to al-Mundhir: Arab Christians and Arab Tribes in the Late Antique Roman East. *Religious Culture in Late Antique Arabia. Selected Studies on the Late Antique Religious Mind*. New Jersey: Gorgias Press, 2017. Pp. 165–219.

Georgius Monachus. *Patrologia cursus completus*. Series Graeca. T. 110. Paris, 1863.

Glas A. *Die Kirchengeschichte des Gelasius von Kaisareia*. Leipzig: B.G. Teubner, 1914.

Iohannis Ephesini. *Historiae Ecclesiasticae*. Pars tertia. *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium*. Vol. 106. E.W. Brooks (ed.) Louvain, 1952.

Lenski N. *Failure of Empire. Valens and the Roman State in the Fourth Century A.D.* Berkeley: University of California Press, 2002.

Les Jafnides. Des rois arabes au service de Byzance. D. Genequand, C.J. Robin (eds.) Paris: Editions de Boccard, 2015.

Lewin A.S. 'Amr ibn 'Adī, Mavia, the Phylarchs and the Late Roman Army: Peace and War in the Near East. *The Late Roman Army in the Near East: from Diocletian to the Arab Conquest*. A.S. Lewin, P. Pellegrini (eds.) Oxford: Archaeopress, 2007. Pp. 243–262.

Macdonald M.C.A. Arabs and Empires before the Sixth Century. The Fourth Century: From Constantine to Valens. *Arabs and Empires before Islam*. G. Fisher (ed.) Oxford: Oxford University Press, 2015. Pp. 79–82.

Martin W. Gélase de Césarée. Un historien ecclésiastique du IVe siècle. *Revue des sciences religieuses*. 2018. Vol. 92/4. Pp. 499–519.

Mayerson P. Mavia, Queen of the Saracens – A Cautionary Note. *Israel Exploration Journal*. 1980. Vol. 30. No. 1/2. Pp. 123–131.

Michel le Syrien. *Chronique*. T. I–II. J.B. Chabot (ed.) Paris: Ernest Leroux, 1899–1901.

Mouterde R., Poidebard A. *Le Limes de Chalcis*. I. Paris: Éditions Geuthner, 1945.

Petrič M. On the Sources of Rufinus' Church History. *Clotho*. 2023. Vol. 5(1). Pp. 67–91.

- Rubin Z. The Conversion of Mavia, the Saracen Queen. *Yad Izhak Ben Zvi*. 1988. Pp. 25–49.
- Schmitt O. Mavia, die Königin der Sarazenen. *Nomaden und Sesshate – Fragen, Methoden, Ergebnisse*. T. Herzog, W. Holzwarth (eds.) Halle-Wittenberg, 2003. S. 163–179.
- Shahid I. *Byzantium and the Arabs in the Fourth century*. Washington: Dumbarton Oaks Research Library, 1984.
- Socratis Scholastici Ecclesiasticae Historiae*. Vol. 2. R. Hussey (ed.) Oxonii, 1853.
- Sozomeni Ecclesiasticae Historiae*. Vol. 2. R. Hussey (ed.) Oxonii, 1860.
- Theodoret Cyrensis opera omnia. *Patrologia cursus completus*. Series Graeca. T. 83. Paris, 1864.
- Theodoros Anagnostes Kirchengeschichte*. Herausgeg. von G.C. Hansen. Berlin: Akademie-Verlag, 1971.
- Theodorus Lector. *Patrologia cursus completus*. Series Graeca. T. 56a. Paris, 1865.
- Theophanis Chronographia*. Vol. 1. C. de Boor (ed.) Lipsiae, 1883–1885.
- Turanni Rufini opera omnia. *Patrologia cursus completus*. Series Latina. T. 21. Paris, 1849.
- Vasiliev A.A. Notes on Some Episodes Concerning the Relations between the Arabs and the Byzantine Empire from the Fourth to the Sixth century. *Dumbarton Oaks Papers*. 1956. Vol. 9/10. Pp. 306–316.
- Whittow M. Rome and the Jafnids: writing the history of a 6th-c. tribal dynasty. *The Roman and Byzantine near East*. Vol. 2. J.H. Humphrey (ed.) Portsmouth, 1999. Pp. 207–224.
- Woodman J. *The Expositio totius mundi et gentium*. With English transl., comm. Ohio State University, 1964.
- Woods D. The Saracen Defenders of Constantinople. *Greek, Roman and Byzantine Studies*. 1997. Vol. 37. No. 3. Pp. 259–279.
- Woods D. Maurus, Mavia, and Ammianus. *Mnemosyne*. 1998. Fourth Series. Vol. 51. Fasc. 3. Pp. 325–336.
- Zosimus. *Historia nova*. L. Mendelssohn (ed.) Lipsiae, 1887.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СЕМЁНОВ Данила Николаевич – аспирант,
лаборант-исследователь Института
востоковедения РАН, Москва, Россия.

SEMENOV Danila Nikolaevich, Postgraduate
Student, Junior Research Fellow, Institute of
Oriental Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.